

братъ и племянникъ, о томъ, что я для нихъ ничего не сдѣлалъ...; потомъ мысль о томъ, что ожидаетъ меня по возвращеніи въ Москву, гдѣ всѣ мои способы были уже истощены и гдѣ якоремъ спасенія оставался одинъ „Телескопъ“, и тотъ ненадежный. Мои недостатки нравственные терзали меня: сравнивая свои мгновенные порывы восторга съ этою жизнью ровною, гармоническою, безъ пробѣловъ, безъ пустотъ, безъ паденія и возстанія, съ этимъ прогрессивнымъ ходомъ впередъ къ безконечному совершенству—я ужасался своего ничтожества. Иногда было истиннымъ бальзамомъ больной души моею то уваженіе, которое доставляли мнѣ мои мгновенные, но энергическіе порывы въ любви къ истинѣ, эти мои рѣдкія, но сильныя вспышки чувства; но иногда я видѣлъ во всемъ этомъ слишкомъ большое участіе самолюбія, видѣлъ во всемъ какую-то одежду блестящую, но безъ подкладки, какое-то зданіе великолѣпное, но безъ фундамента, какое-то дерево вѣтвистое и пышное, но безъ корня—и я становился гадокъ самому себѣ. Не видя NN¹⁾, я чувствовалъ внутри себя пожирающую лихорадку, и думалъ, что ихъ присутствіе успокоитъ мою душу, но когда снова видѣлъ ихъ, то снова увѣрялся, что видъ ангеловъ возбуждаетъ въ чертахъ только сознаніе ихъ паденія. И такимъ образомъ случались цѣлые дни, когда я... искалъ общества, и находя его, бѣгалъ отъ него. Полною жизнью я жилъ только въ тѣ минуты, когда увлекался сильнымъ жаромъ въ спорахъ и, забывая себя, видѣлъ одну истину, которая меня занимала, еще тогда, когда всѣ собирались въ гостиной, толпились около рояля и пѣли хоромъ. Въ этихъ хорахъ я думалъ слышать гимнъ восторга и блаженства усовершенствованнаго человѣчества, и душа моя замирала, можно сказать, въ мукахъ блаженства, потому что въ моемъ блаженствѣ, отъ непривычки ли къ нему, что недостатокъ ли гармоніи въ душѣ, было что-то тяжкое, невыносимое, такъ что я боялся моими дикими движеніями обратиться на себя общее вниманіе“...

“... Я былъ вполне блаженъ тѣмъ, что вѣрилъ въ существованіе на землѣ безконечно прекраснаго и высокаго, потому что видѣлъ своими глазами, видѣлъ передъ собою то, что доселѣ почиталъ мечтою, что давно почиталъ долженствовавшимъ существовать, но къ чему доселѣ не имѣлъ живой и сильной вѣры...”

“... Жизнь идеальная и жизнь дѣйствительная всегда двойились въ моихъ понятіяхъ... Прямухинская гармонія и знакомство съ идеями Фихте, благодаря тебѣ, въ первый разъ убѣдили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ-называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, приракъ, ничтожество, пустота“...

“... И я узналъ о существованіи этой конкретной жизни, для того чтобъ узнать свое безсиліе усвоить ее себѣ; я узналъ рай, для того чтобъ удостовериться, что только приближеніе къ его воротамъ, не наслажденіе, но только предощущеніе его гармоніи и его ароматовъ—есть единственно возможная моя жизнь...”

“... Наконецъ, я рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ; это было лучшее время моей жизни. Я ощутилъ въ себѣ тайную силу, я возымѣлъ какую-то благородную рѣшимость похоронить въ сердцѣ всѣ надежды, жить жизнью страданія, оторваться отъ друзей, отъ всего, что мило, и строгою жизнью, тяжкимъ трудомъ, выкупить прошед-

шія заблужденія и помириться съ жизнью... Я сталъ свободенъ, гордъ, несчастенъ, и въ первый разъ узнать счастье, потому что моя рѣшимость родила во мнѣ довѣренность и уваженіе къ самому себѣ. Словомъ, я страдалъ, но былъ счастливъ. Но вскорѣ увидѣлъ, что отъ меня требуютъ невозможнаго¹⁾ и что, поэтому, поѣздка должна не состояться...”

“Очень радъ, что ты болѣе и болѣе сходишься съ Вас. Петр.²⁾ Признаюсь въ грѣхъ: меня радуетъ мысль, что я первый понялъ этого челоѣка, и понималъ такъ, что дальнѣйшее съ нимъ знакомство ничего не прибавило къ моему о немъ мнѣнію... Его безконечная доброта, его тихое упоеніе, съ какимъ онъ въ разговорѣ называетъ того, къ кому обращается, его ясное, гармоническое расположеніе души во всякое время, его всегдашняя готовность къ восприимчивости впечатлѣній искусства, его совершенное самозабвеніе, отрѣшеніе его отъ своего я—даже не производятъ во мнѣ досады на самого себя: я забываюсь, смотря на него. Онъ шель положному пути: встрѣтилъ людей, которые лучше его понимали истину, и тотчасъ призналъ свои ошибки, не почитая себя нисколько черезъ это униженнымъ. Меня особенно восхищаетъ въ немъ то, что у него внѣшняя жизнь не противорѣчитъ внутренней, что онъ столько же честный, сколько и благородный челоѣкъ... По дѣламъ торговли, онъ смотритъ на свои отношенія къ отцу, какъ на отношенія приказчика въ лавкѣ къ своему хозяину. Да, это единственный способъ быть независимымъ отъ внѣшней жизни и людей,—быть вполне свободнымъ. Гармонія внѣшней жизни и челоѣка съ его внутреннею жизнью есть идеалъ жизни, и только въ Васильѣ нашелъ я осуществленіе этого идеала. Онъ умѣетъ отказать себѣ во всемъ, исполненіе чего вовлекло бы его въ обязательство и зависимость отъ людей; онъ не займетъ денегъ для своихъ издержекъ, даже похвальныхъ—и входитъ въ долги для того, чтобы помочь негодяю, своему пріятелю”.

Москва, 1 ноября 1837 г. 3).

“... Въ горестной и мертвой жизни моей одна мысль, какъ добрый геній, какъ ангелъ хранитель, согрѣваетъ мой изнемогающій духъ, мысль, что какъ бы глубоко ни палъ я, мнѣ всегда есть пристанище въ минуты сознанія—сердце друзей моихъ, всегда готовое простить меня, оплакать мое заблужденіе и согрѣть меня своимъ огнемъ...”

“А я,—я могу утѣшать себя только вотъ чѣмъ—

Мой путь унылъ, сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнующее море.
Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю: мнѣ будутъ утѣшенія
Межъ горестей, труда и тревоженій.

„Это голосъ не жизни духа; нѣтъ—это вопль прекрасной души, которая живетъ жизнью духа только въ минутахъ, только въ непрерывныхъ возстаніяхъ, послѣ безпрерывныхъ паденій. Жизнь въ минутахъ—она моя, и все-

1) Дѣло идетъ, вѣроятно, насчетъ переговоровъ съ редакторомъ „Литературныхъ Прибавленій“. (Пыпинъ, А. Бѣлинскій, т. I, гл. IV, стр. 219).

2) Боткинскимъ.

3) Письмо это очень длинно и писано, вѣроятно, въ нѣсколько пріемовъ. Бѣлинскій продолжаетъ развивать свой мрачный взглядъ на жизнь,—ему она улыбнулась только однимъ—другой. (Пыпинъ А. Бѣлинскій, т. I, стр. 198—200, 191—193, 252).